

В.С. Иконников

**Русская женщина накануне
реформы Петра Великого и
после ее**

**Сравнительно-исторический
очерк**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В.С. Иконников**
Русская женщина накануне реформы Петра Великого и после ее: Сравнительно-исторический очерк / В.С. Иконников – М.: Книга по Требованию, 2014. – 107 с.

ISBN 978-5-458-06363-0

ISBN 978-5-458-06363-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

РУССКАЯ ЖЕНЩИНА

НАКАНУНЪ РЕФОРМЫ ПЕТРА В. И ПОСЛЪ НЕЯ.

Сравнительно-историческій очеркъ ¹⁾.

ГЛАВА I.

Главные черты вопроса. Первобытная эпоха. Патриархальный порядокъ. Греція и Римъ. Измѣненія въ жизни римской семьи. Теоретическія воззрѣнія и юридическія отношенія. Христіанство и Византія. Римскія провинціи. Вліяніе свѣтскаго и церковнаго кодексовъ. Варварскій элементъ. Средневѣковое общество и реформація. Общія черты и новыя явленія. Отраженіе ихъ на положеніи женщины. Новое время.

Положеніе женщины всегда было тѣсно связано съ судьбою даннаго общества. Какъ медленно движется историческая жизнь народовъ, пока совершить извѣстный кругъ развитія, такъ медленно развивается и женская личность, хотя повидямому вѣка опыта и умственной жизни совершили уже новый поворотъ. Жляя въ кругѣ завѣтной старины и извѣстныхъ сложившихся преданій, она, какъ бы въ соотвѣтствіе самой природѣ, является въ извѣстномъ смыслѣ консервативнымъ началомъ; самыя воззрѣнія окружающаго ея общества строго охраняють уже установившіяся начала, хотя иногда жизнь и ушла далеко впередъ. Вотъ почему тѣ общественные перевороты въ умственной и обществен-

¹⁾ Настоящій очеркъ съ необходимыми сокращеніями служитъ предметомъ двухъ публичныхъ лекцій, читанныхъ въ Университетѣ Св. Владиміра 17 и 24 марта, въ пользу голодающихъ Самарской губерніи и недостаточныхъ студентовъ Университета.

ной сферѣ, которымъ суждено бываетъ играть роль исходныхъ пунктовъ новаго періода развитія или преобразовательной эпохи, такъ сильно отражаются на положеніи женщины. »Нравственный переворотъ въ обществѣ ни на чемъ не отражается такъ живо и такъ ярко, какъ на нравственномъ состояніи женщины«, говоритъ одинъ изъ нашихъ историковъ. (См. *Римскія женщины, Кудрявцева*).

Первобытная эпоха, съ своими переходными формами жизни, съ своею безграничною свободою и вмѣстѣ съ тѣмъ крайнимъ произволомъ, кладетъ первый отпечатокъ на судьбу женщины. Въ эту эпоху женщина является то женою одного изъ ближайшихъ родственниковъ, то предметомъ исцѣлства значительно разросшагося племени, то наконецъ предметомъ вражды чуждыхъ другъ другу племенъ. На этой ступени развитія она пользуется значеніемъ соотвѣтственно тому положенію, какое ей придется занять въ этой борьбѣ за обладаніе ею. Быть женщины мало отличается отъ жизни мужчины. Исторія сохранила преданія объ амазонкахъ, о борьбѣ мужчинъ и женщинъ, о войнахъ изъ-за женщинъ, о томъ, чѣмъ сопровождался переходъ въ установленному браку. Въ сказаніи о Кекропсѣ, установившемъ бракъ въ Афинахъ, предпочтеніе, оказанное названію города въ честь Афины, а не Пептуны, состоялось благодаря перевѣсу женщинъ, которыя потомъ должны были отказаться отъ права участвовать въ собраніяхъ, чтобы спасти страну отъ разгнѣваннаго бога, грозившаго потопить ее. Славянскія преданія также помнятъ о подобной борьбѣ (основаніе Дѣвина-городка у *Козьмы Пражскаго*); и они говорятъ о значительномъ участіи и свободѣ женщины въ заключеніи брачныхъ отношеній (таково *умыканіе у древняго русскаго лѣтописца* и *Козьмы*, соотвѣтствующее похищенію сабинокъ), о полной свободѣ брачныхъ отношеній, не стѣняемыхъ даже родствомъ (радимичи и вятичи русскаго лѣтописца). Древнія русскія быліны знаютъ лучшихъ стрѣлковъ изъ женщинъ (жена Дуная), поленицъ, ни чѣмъ не уступающихъ богатырямъ. Вѣщія жены имѣютъ большое вліяніе на жизнь племени; онѣ управляютъ страню какъ мудрые правители (Любуша, Ольга, Ванда). Но въ жизни народовъ было время, когда женщина, пользуясь указанными преимуществами, стояла въ средоточіи нараждавшагося поколѣнія, давала ему свое имя; такъ какъ только матерью могло быть опредѣлено происхожденіе лица. Только постепенно утрачивались эти черты быта, благодаря осѣдлости племенъ, ихъ сосредоточенію и утвержденію патриархальныхъ началъ (*Bachofen*,

Das Mutterrecht. Eine Untersushung über die Gynäikokratie der alten Welt, 1860). Это вторая эпоха въ развитіи женской личности, которая вполне обладает историческими данными.

Какъ знамя новѣйшей общественности и науки есть освобожденіе и возвышеніе личности, такъ, напротивъ, въ древней, патриархальной формѣ быта личность вполне поглощается другою собирательною единицею, съ которой живетъ одною жизнью—*семьею*. Это начало проходить чрезъ всѣ правовыя отношенія древняго общества. Самое древнее право слагалось такимъ образомъ, что было приспособлено къ системѣ небольшихъ независимыхъ корпорацій. Положенія его были немногочисленны; такъ какъ они дополнялись деспотическими повелѣніями родоначальниковъ; оно отличалось обрядностью. Въ слѣдствіе тѣсной связи личности съ той патриархальною группою, изъ которой она произошла, самое опредѣленіе нравственныхъ началъ было иное: нравственная оцѣнка поступковъ распространялась не только и часто не столько на отдѣльное лицо, сколько на всю группу лицъ, тѣсно связанныхъ съ послѣднимъ родствомъ и происхожденіемъ. Вина отдѣльнаго лица падала на его дѣтей, а иногда и на все колѣно, къ которому принадлежалъ виновный. Таковы были основы древне-классическаго, германскаго, и старо-славянскаго быта. Русская Правда образовалась еще подъ вліяніемъ этихъ идей. Элементарной группою этого порядка является семья; соединеніе семей образуетъ родъ, соединеніе родовъ — трибу: таковъ основной составъ римскаго государственнаго организма. Съ постепеннымъ развитіемъ его и соприкосновеніемъ съ чуждыми элементами явилась необходимость принятія въ его составъ и послѣднихъ. Но для этого необходимо было сроднить постороннія, чуждыя единицы съ своею корпораціей, для чего требовалось исполненіе извѣстныхъ формулъ и обрядовъ (*Мэнъ, Древнее право, его связь съ древней исторіей общества и его отношеніе къ новѣйшимъ идеямъ. Спб. 1873, 99—104*). Это было неизбежно, потому что со вступленіемъ новаго лица въ чуждую корпорацію соединилось почитаніе очага и призваніе того религіознаго культа, который былъ посвященъ ему. «Со времени брака, по словамъ одного древняго писателя, жена не имѣла уже ничего общаго съ домашней религіей своихъ отцовъ; она приноситъ жертвы очагу мужа» (слово *πατρις* у Стефана Византійца, см. *Фюстель-де-Куланжъ, Гражданская община древняго міра. Москва, 1867, 50*). И напротивъ, чтобы выйти изъ новой семьи, т. е. получить разводъ,

жена опять должна была, съ сопровожденіемъ новыхъ церемоній, про-
клясть боговъ своего мужа (*ib.*, 56). Этимъ опредѣляется вся цѣпкость
и прочность патриархальныхъ началъ.

Семья есть типъ архаическаго общества во всѣхъ его видоизмѣ-
неніяхъ, но это понятіе слѣдуетъ принимать нѣсколько въ иномъ
смыслѣ, чѣмъ оно употребляется въ наше время. Семья представляется
здѣсь прочно-скрѣпленнымъ союзомъ, управляемымъ неограниченною
властью главы и установившимся обычаемъ. Черты этого быта отрази-
лись на всемъ гражданскомъ правѣ, и послѣднее до того измѣнялось
медленно, подѣ вліяніемъ господствующихъ идей, что даже въ такой
развитой законодательной системѣ, какъ римское право, эту перемену
можно прослѣдить шагъ за шагомъ. Смѣсь позднѣйшаго римскаго
права съ первобытными варварскими обычаями эпохи переселенія на-
родовъ имѣла опять слѣдствіемъ то, что она оживила многія черты
архаическаго порядка, уже вымершаго въ римскомъ мірѣ. Отличитель-
ною чертою этого порядка была широко развившаяся отеческая власть
(*patria potestas*), принадлежавшая отцу или другому предку и распро-
странявшаяся на личность и имущество его потомковъ. Только мед-
ленно и постепенно терялись черты этого быта, подѣ напоромъ все
преобразующей цивилизаціи. Такъ, въ римскомъ обществѣ, неограни-
ченное право тѣлеснаго наказанія было замѣнено правомъ перенесенія
домашнихъ проступковъ на разсмотрѣніе гражданскаго магистрата;
привилегія распорядиться супружествомъ дѣтей замѣнилась условнымъ
запрещеніемъ; право продажи дѣтей было совсѣмъ уничтожено. Но
только первымъ цезарямъ приписываются первые сильные удары, на-
несенные институту родительской власти; такъ что даже нѣкоторые
распоряженія Траяна и Адриана можно считать лишь подготовкой
для цѣлаго ряда узаконеній въ этомъ родѣ. Извѣстно, что римское
право запрещало дѣтямъ, находившимся подѣ отеческою властью, вла-
дѣть собственностью отдѣльно отъ родителя, и отецъ, въ противномъ
случаѣ, всегда имѣлъ право присвоить себѣ все благопріобрѣтенное
имущество сына. Замѣчательно однако, что до самаго періода имперіи
не дѣлалось никакихъ попытокъ измѣнить такой порядокъ вещей.
Имущество, пріобрѣтенное солдатами, находящимися на службѣ, было
впервые изъято изъ подѣ дѣйствія родительской власти, а это было
сдѣлано вѣроятно въ видѣ награды войскамъ, уничтожившимъ свободу
республики. Только три столѣтія спустя эта льгота была распростра-

нена и на лицѣ, занимавшихъ гражданскія должности. Но въ обоихъ случаяхъ все таки пришлось прибѣгнуть къ ограниченіямъ; такъ что дальнѣйшія ослабленія ихъ пришлось дѣлать еще и Константину В., и Юстиніану. Замѣчательно также, что распространеніе правъ гражданства на остальные части римской имперіи повело за собою и усиленіе родительской власти въ указанномъ смыслѣ, а дарованіе его Антониномъ Каракаллою всѣмъ подданнымъ произвело какъ расширеніе отеческой власти, такъ и скрѣпленіе семейныхъ отношеній, что не осталось безъ вліянія на самый правственный переворотъ, подготовленный христіанствомъ (*Мэнъ, стр. 114*).

Понятно, какъ этотъ строй долженъ былъ отражаться на положеніи женщины. Она вполне исчезала въ родовой опецѣ. Съ ея именемъ обыкновенно завершалась самая вѣтвь рода; такъ что ни одинъ изъ ея потомковъ уже никогда не включался въ первобытное понятіе семейнаго родства (*mulier est finis familiae*). Законы племенъ, разрушившихъ римскую имперію, были также въ сильной степени проникнуты этимъ понятіемъ родства, но оно было разрушено потомъ вліяніемъ позднѣйшаго, болѣе развитаго римскаго права. Въ своей архаической формѣ, положеніе женщины въ древнемъ мірѣ опредѣлялось извѣстнымъ институтомъ о *вѣчной опецѣ*, которая, по смерти отца, переходила къ прочимъ родственникамъ мужскаго пола. То же явленіе встрѣчается въ обычаяхъ племенъ, покорившихъ римскую имперію, и ихъ идеи въ этомъ отношеніи могутъ быть отнесены къ самымъ консервативнымъ изъ всѣхъ идей, какія они внесли въ западный міръ; а законы скандинавскихъ народовъ въ томъ же смыслѣ остались вѣрны этой системѣ до позднѣйшаго времени (*Мэнъ, 105—121*).

Соотвѣтственно указаннымъ возрѣніямъ, очевидно выросшимъ на почвѣ самаго быта, сложился въ древнемъ обществѣ и бытъ женщины. Мѣстомъ домашней жизни гречанки—былъ гинекей; римлянка, пока господствовала первобытная простота нравовъ, имѣла мѣсто въ атриумѣ, но, съ расширеніемъ дома, она перешла въ заднюю часть его, соотвѣтствовавшую гинекею. Средоточіемъ ихъ жизни была семья. (*Suet. Domit. 10. Древнія римлянки, Пропилеи, II, 219—220*). Но жизнь гражданина требовала частыхъ отлучекъ изъ дому. Домашній очагъ не всегда могъ удовлетворить ищущаго развлеченія грека или римлянина. Грекъ любилъ проводить время въ обществѣ гетеръ, уже во время Первела по-

лучивших такую же известность, какъ въ XVIII вѣкѣ основательницы французскихъ салоновъ ¹⁾).

Но для оцѣнки добродѣтелей обыкновенной гражданки продолжали существовать стародавнія опредѣленія. Лучшимъ украшеніемъ ея считалось молчаніе. На могильныхъ камняхъ добродѣтельныхъ женъ любили изображать намордникъ, узду или черепаху, свидѣтельствовавшія о полной поворности и домосидничествѣ умершихъ. Даже воззрѣнія лучшихъ людей древности оставались вполнѣ вѣрны современной общественной морали. Сократъ отзывался о женщинѣ, какъ о принадлежащей исключительно дому, въ самомъ ограниченномъ смыслѣ слова; но его мнѣнію гражданинъ менѣе всего могъ говорить съ своею женою. Въ сочиненіяхъ Платона о женщинѣ высказываются не менѣе рѣзкія понятія, хотя онъ съ своей коммунистической точки зрѣнія на государство и допускаетъ равенство занятій и воспитанія для обоихъ половъ (Республика). По мнѣнію Аристотеля самая добродѣтель женщины совсѣмъ иная, чѣмъ добродѣтель гражданина; она мало чѣмъ отличается отъ той, къ которой способенъ рабъ. Идеалъ жены, нарисованный Ксенофонтомъ,—нашъ домостроевскій идеалъ. При чисто-государственной оцѣнкѣ дѣятельности, каковая обыкновенно высказывалась римскимъ гражданиномъ, и женщина имѣла тамъ болѣе почетное мѣсто, но только въ силу того, что она приноситъ известную пользу государству. Въ отношеніи же нравственной оцѣнки ея и римляне не пошли далѣе греческихъ воззрѣній. »Всѣ женщины, говоритъ Катонъ старшій, несомны по своему кокетству; если бы мужчины были отъ нихъ свободны, то наша жизнь была бы менѣе безбожна«. И онъ никогда не обнималъ жены въ присутствіи дочерей своихъ, за исключеніемъ одного раза, когда она испугалась во время бурн (*Mommsen, III, Kap. XIII*). Цензоръ Метеллъ сказалъ однажды народу: »Если бы природа позволила намъ обойтись безъ женщинъ, то мы избавились бы отъ весьма докучливыхъ товарищей«. Римская матрона пользовалась уваженіемъ, смотря потому, на сколько были полезны государству ея дѣти. Известная своимъ образованіемъ и семейными добродѣтелями дочь Циціліона старшаго Корнелія удостоилась почета какъ »мать Гракховъ«.

¹⁾ Демосеенъ такъ формулировалъ различіе этихъ ролей женщины: прелестницы служатъ для грубыхъ удовольствій, жены—для поддержанія рода и охраны жилищъ, а гетеры—для духовныхъ наслажденій.

Очевидно, что древнія добродѣтели, державшіяся патриархальными основами жизни, когда послѣднія постепенно потеряли свой смыслъ, не могли держаться на прежней высотѣ. Развитие общественной жизни, масса новыхъ потребностей и появленіе новыхъ предметовъ удовлетворенія—должны были повліять и на устройство прежняго быта.

Распаденіе римской мы можемъ про по пятамъ въ слѣдъ за развитіемъ самаго государства. Еш въ тотъ періодъ, когда римляне не перенесли своихъ завоеваній за предѣлы Италиі, уже пришлось прибѣгнуть имъ въ введенію рядомъ съ религиознымъ бракомъ гражданскаго брака—и въ этомъ лежало первое начало къ дальнѣйшему ослабленію полновластиа мужа, какъ господина. Между тѣмъ еще въ тотъ же періодъ бывший консуль Публий Корн. Руфинъ (464—67 осн. гор.) былъ исключенъ изъ списка сенаторовъ цензорами за то, что имѣлъ серебряный сервизъ цѣною въ 225 р. (*Mommsen, II Buch. Kap. VIII*). Безбрачіе, противъ котораго вздумали тогда употребить подать на холостыхъ, ко времени Катона старшаго-умножилось вмѣстѣ съ разводами. Въ средѣ знатнѣйшихъ фамилій совершались ужасныя преступленія: консуль Гай Кальпурній Пизонъ отравленъ былъ своею женою и пасынкомъ, для того, чтобы ускорить новые выборы и доставить консульство послѣднему ¹⁾. Чтобы удержать за собою собственность, женщины стали прибѣгать къ мнимымъ бракамъ. Такимъ образомъ все болѣе въ ихъ рукахъ стали сосредоточиваться богатства, и въ это время они уже были такъ велики, что и правительство прибѣгло къ запрещенію закономъ дѣлать женщинъ наслѣдницами по завѣщанію и стало отнимать у нихъ достающіяся имъ безъ завѣщанія боковыя наслѣдства ²⁾. Такое меркантильное направленіе въ средѣ женщинъ

¹⁾ Въ 326 г. до Р. X. въ Римѣ распространился слухъ о заговорѣ женщинъ съ цѣлю отравленія мужей, изъ которыхъ уже многіе стали его жертвою. Число заговорщицъ насчитывали 170 до 360. Виновныхъ судьи приговорили выпить ядъ.

²⁾ Нарушеніе древне-спартацкаго воспитанія и устройства было въ значительной степени также обязано женщинамъ. Не смотря на запрещеніе давать за дочерьми большія и, и данья, спартачки успѣли обойти законъ и сосредоточить въ своихъ рукахъ большія богатства, получивъ такимъ образомъ вліяніе на дѣла; поэтому Аристотель и самое правительство называетъ тисійско-кратіей. Современни тому, какъ Аваны достигли полнаго могущества, а Плагонъ задумывалъ переустройство государства на указанныхъ выше началахъ,

совпало съ развитіемъ сильной роскоши въ Римѣ. Серебряная посуда, изукрашенная великолѣпными фигурами, стала обыкновеннымъ явленіемъ; появились Атталовы столы и одежды съ толстымъ золотымъ шитьемъ. Настойчивость женщинъ заставила послѣ мира съ Картагеномъ уничтожить заповѣданіе имъ носить золотыя украшенія и пестрые одежды. Въ дѣля республике вліяніе женщинъ стало уже замѣтнымъ; въ провинціяхъ воздѣялись имъ статуи, тотъ же Катонъ могъ сказать, что онѣ повелѣваютъ даже повелителями міра (*Mommsen II, Kap. XIII*). Самъ Катонъ, когда замѣтилъ, что его жена очень нравится его другу Гортензію, то уступилъ ее ему, а потомъ снова взялъ ее назадъ—тотъ Катонъ, который всю жизнь гремѣлъ противъ роскоши и вліянія женщинъ и который ежедневно присутствовалъ, когда купали его дѣтей. Время Юлія Цезаря было временемъ полнѣйшаго распадація старыхъ семейныхъ нравовъ ¹⁾. Во время же Сенеки, воспитателя Нерона, жены считали годы не по консуламъ, а по своимъ мужьямъ. Еще позже блаженный Иеронимъ рассказываетъ, что ему пришлось быть на похоронахъ одной римской дамы, которая въ своей жизни перемѣнила 17 мужей (*Ешевскій, Женщина въ средніе вѣка, въ Собр. сочин. III, 351*). Въ политической жизни типъ римской матроны развился въ типы Агриппинъ и Мессалинъ (см. *Римскія женщины Кудрявцева*). Быть можетъ подъ вліяніемъ такого общественнаго настроенія, у Сенеки, столь близко стоявшаго по своимъ воззрѣніямъ къ христіанству и обладавшаго вполне достойною женою, которая не задумалась даже раздѣлить съ нимъ смерть, вырвался слѣдующій жестокой приговоръ женщинѣ. «Женщина, говоритъ онъ, есть безстыдное животное, и, если не заняться много ея воспитаніемъ, не дать ей много знанія, я вижу въ ней только дикую тварь, не способную сдерживать свои страсти». Замѣчательно однако, что хорошес воспитаніе и серьез-

женщины предъявляли права на гражданское равенство и реформу семейства въ духѣ Платона. (См. *Женщины въ народномъ собраніи, ком. Аристофана*). Въ это время многія греческія женщины, и особенно гетеры, были извѣстны, какъ серьезно знакомы съ грамматикой, математикой, физикой и философіей; нѣкоторыя изъ нихъ учили этимъ предметамъ или писали о нихъ (Фланида, Лаиса, Арета, Никарета и др.).

¹⁾ *Suet. Caes. 50—52*. Говорятъ, что по приказанію Юлія Цезаря былъ изготовленъ проектъ закона, позволявшій имѣть нѣсколькихъ женъ.

ное знаніе оны считали лучшими средствами противъ того печальнаго положенія женщины, о которомъ самъ говоритъ. Мы видѣли, что уже въ эпоху Граковъ греческая наука становилась достояніемъ женщины и въ Римѣ. Подъ конецъ древняго міра исторія знаетъ женщину, которая вполне предалась изученію современной науки, математики и философіи, и которая съ успѣхомъ преподавала ихъ въ самомъ центрѣ тогдашней образованности—Александріи. То была *Ипатія*, язычница, дочь математика Теона, убитая среди бѣлаго дня въ христіанскомъ храмѣ, благодаря вспыскѣ религіознаго фанатизма (*Дрэнперъ, Ист. умств. разв. Евр. I, 263—265*).

Подъ вліяніемъ указанныхъ обстоятельствъ, положеніе женщины въ юридическомъ отношеніи замѣтно измѣняется. Понятіе о вѣчной опецѣ надъ женщиной совершенно исчезло въ позднѣйшемъ римскомъ правѣ; такъ что быть можетъ мы и не знали бы вполне характера этого института, если бы не были открыты рукописи извѣстнаго юрископсульта Гая, описавшаго его въ самый интересный моментъ его существованія, т. е. когда онъ близокъ былъ къ совершенному исчезновенію. Гай уже съ негодованіемъ говоритъ о тѣхъ ходячихъ апологіяхъ, которыя основывали необходимость опеки на умственной несостоятельности женскаго пола и большую половину своей книги посвящаетъ описанію самыхъ разнообразныхъ и часто курьезныхъ способовъ, каковыми старались римскіе юристы дать возможность женщинѣ обходить древнія постановленія. Изъ нихъ видно, что въ основаніе своихъ доводовъ тогдашніе юристы полагали идею о равенствѣ обоехъ половъ. Со времени введенія новой формы брака о личной независимости уже не было слова, а всѣ возраженія касались главнымъ образомъ имущественныхъ отношеній (*Мэнъ, 121—123*).

Внесеніе въ древній міръ новой стихіи—христіанской, естественно должно было повліять какъ на самыя нравы, такъ и на убѣжденія общества. Составляя оппозицію нравственному упадку древняго общества и предлагая въ замѣнъ доведенной до несостоятельности философской мысли и подкапывавшаго древній міръ рабства—равенство народовъ и половъ и религію сердца, эта новая стихія должна была значительно измѣнить и строй общества, и положеніе женщины, которая въ религіи сердца естественно должна была занять видное мѣсто. Но идеалы чело-вѣчества не легко осуществляютъ, встрѣчаясь съ историческою дѣйствительностью. Представителямъ новой религіи пришлось вступать въ

жестокую борьбу съ старымъ міромъ, нравственное состояніе котораго заставляло ихъ прежде всего обратить вниманіе на унадогъ семейнаго быта. Это явленіе было общимъ во всѣхъ областяхъ старой Римской имперіи; на эту сторону языческой жизни и направлены были современныя обличенія проповѣдниковъ новой религіи. Съ перенесеніемъ столицы міра—въ Византію, и тамъ повторились тѣже явленія распадавшагося политически древняго общества. Но здѣсь они еще болѣе усложнились, въ слѣдствіе политическихъ условій византійскаго быта и восточнаго склада жизни. Типы Мессалинъ и Агриппинъ нашли здѣсь достойное подражаніе въ образахъ Пульхерій, Феодоръ, Антонинъ, Теофанъ и Зой. Общественная жизнь Византіи, слагавшаяся среди борьбы придворныхъ, церковныхъ и театральныхъ партій, подпала не менѣе сильному вліянію женскаго терема (*Pinlay, History of the Byzantine and Greek Empires и Византійскія женщины, Орбинскаго, Рус. Слово 1859, XII, и 1860, VII*). Съ такимъ порядкомъ вещей не могла мириться аскетическая мысль востока и вотъ рядомъ съ указанными явленіями тамъ возникаетъ обширная литература противъ женщины вообще. Въ сборникахъ, преимущественно составленныхъ въ монастыряхъ, въ родѣ »Златоуста« и »Пчелы«, борьба противъ вліянія и значенія женщины получила систематическій характеръ. Въ нихъ тщательно собирались всѣ изреченія древнихъ мудрецовъ и библейскихъ писателей, подкрѣпленные уже извѣстными намъ мнѣніями классическихъ писателей, которыми продолжали пользоваться въ Византіи для своихъ цѣлей ¹⁾. На этой почвѣ выросли русскія литературныя воззрѣнія на женщину, когда вліянія Византіи стало обезпеченнымъ. вмѣстѣ съ аскетическою литературою, эти воззрѣнія распространились и на западъ, гдѣ они нашли себѣ фактическую поддержку въ остаткахъ языческой древности, продолжавшихъ еще держаться въ римскихъ провинціяхъ... Эти нравы сильно возмущали представителей новой религіи, которые не щадили красокъ на изображеніе современной имъ женщины (напр. въ соч. Сальвіана, Марія Виктор, Павлина и др.). Замѣчательно какъ происходила трансформация древней жизни подъ вліяніемъ новыхъ

¹⁾ Иногда виз. писатели давали совсѣмъ иной, противоположный характеръ изреченіямъ, болѣе благосклоннымъ относительно женщины. См. подробнѣе въ нашемъ изслѣдованіи: *О культурномъ значеніи Византіи въ русской исторіи, 251—254.*